

В бытовом дискурсе также присутствует использование артефактов как символа власти. Так, в жанре анекдота, в основе которого лежит описание семейных взаимоотношений, присутствует образ жены со скалкой. Скалка в данном случае является орудием для наказания провинившегося мужа.

Подведем итог. Субъект мониторинга – личность, организующая коммуникативную ситуацию, являющаяся ее лидером, регулирующая ход интеракции, оказывающая влияние на участников коммуникации. Субъект мониторинга обладает большими правами по сравнению с другими участниками общения, его позиция статусно-маркирована. Универсальными для всех типов дискурса являются следующие права модератора: 1) открывать и закрывать коммуникативную ситуацию; 2) осуществлять мену коммуникативных ролей; 3) не позволять участникам монополизировать беседу; 4) стимулировать их к говорению или, напротив, лишать права голоса; 5) регулировать количество и качество говорения; 6) защищать и менять тему говорения; 7) контролировать поведение коммуникантов согласно установленным правилам и нормам. Обладание коммуникативной властью обусловлено социальными, психологическими и лингвокогнитивными факторами и обозначено символически, среди которой выделяются место субъекта мониторинга в коммуникативном пространстве и артефакты.

Список литературы

1. Дубровская Т.В. О речевом взаимодействии судьи и допрашиваемого в ходе судебного допроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2010. №1. С. 50–57.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
3. Черватюк И.С. Власть как коммуникативная категория : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2006.
4. Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование : сб. науч. тр. Волгоград, 2001. С. 48–53.

* * *

1. Dubrovskaja T.V. O rechevom vzaimodejstvii sud'i i doprashivaemogo v hode sudebnogo doprosa // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija «Sociologija. Politologija». 2010. №1. S. 50–57.

2. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

3. Chervatjuk I.S. Vlast' kak kommunikativnaja kategorija : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2006.

4. Shejgal E.I. Neverbal'nye znaki politicheskogo diskursa // Osnovnoe vysshee i dopolnitel'noe obrazovanie : sb. nauch. tr. Volgograd, 2001. S. 48–53.

Moderator of communication as the subject of monitoring

There are considered the notions “moderator” and “subject of monitoring”, determined the role of the subject of monitoring in organization of the communicative process, as well as revealed its specific character for various types of discourse.

Key words: *monitoring, subject of monitoring, moderator, types of discourse.*

(Статья поступила в редакцию 25.05.2015)

Н.Г. КОЛОСОВА (СОЛОДОВНИКОВА)
(Волгоград)

ЭМОТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ТЕКСТОВ

Анализируется адаптация метода эмотивного анализа в формирующейся интегративной парадигме эмотивной лингвоэкологии, рассматривается возможность перехода от эмотивной лингвоэкологии к экологии эмоций в связи с необходимостью экоцентрического поворота в современной коммуникологии.

Ключевые слова: *эмотивная лингвоэкология, эмотивный анализ, экологизация, экоцентрический поворот, экология эмоций.*

Данная статья продолжает серию исследований, в которых предпринимается попытка последовательно обосновать методологическую значимость лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского [15] для становления эмотивной лингвоэкологии / эколингвистики [2; 3; 4; 5; 6; 16 и др.]. Мы понимаем эмотивную лингвоэкологию / эколингвистику как новое лингвистическое направление, объектами которого являются языко-/ речеохранение и здоровьеохранение человека с помощью

языка. Вводя элемент «эмоциональный», можно отметить, что объектом эмотивной лингвоэкологии / эколлингвистики является здоровье-охранение эмоций и использование эмотивно здорового языка.

Общей целью, объединяющей в серию несколько изначально разрозненных публикаций, является объяснение возможностей применения данных, полученных эмотиологией, в экологическом аспекте. Задачей, которая решается в настоящем исследовании, выступает поиск аргументации в пользу использования эмотивной лингвоэкологии / эколлингвистикой метода эмотивного анализа. С помощью названного метода в парадигме эмотивной лингвоэкологии / эколлингвистики нами уже исследовались такие традиционные для эмотиологии проблемы, как эмоциональный интеллект, эмоциональная память, эмоциональный шантаж, реверсия оценочного знака эмоции, модус и параметры экологичности коммуникативных эмоциональных ситуаций и др.

Современное научное знание обладает высоким интегративным потенциалом, поэтому появление эмотивной лингвоэкологии / эколлингвистики закономерно, а для эмотивной лингвистики ещё и ценно, поскольку даёт развитие её идеям, опираясь на хорошо разработанный терминологический аппарат и проверенные методы.

Эмотивная лингвоэкология / эколлингвистика как наука молодая, а потому во многом поисковая, а не прескриптивная по своему характеру не лишена недостатков, таких как, например, диффузность самого понятия «экологичность» в применении к эмотивной коммуникации. Сейчас это понятие широко применяется в самых разнообразных сферах – медицине, педагогике, психологии, философии [6]. На наш взгляд, приставка «эко-», например, в терминах «экоцентрированный подход», «экологический поворот», «экологизация научного знания» способствует некоторой романтизации данной науки. Но вектор этой романтизации позитивен, т.к. при этом не отрицаются недостатки данной науки. Стремлением преодолеть закономерные сложности, возникающие на пути этой молодой науки, можно объяснить использование ею достижений других наук и интеграцию с эмотиологией.

По нашему мнению, в качестве своей методологической основы эмотивная лингвоэкология / эколлингвистика не могла избрать никакую другую науку, кроме эмотиологии. Универсальный и даже философский характер последней лингвистам ещё предстоит осознать и оценить, поскольку эмотиология необычно-

венно многогранна и обладает большим потенциалом как с точки зрения ёмкости, так и с точки зрения креативности. В этом можно убедиться, познакомившись с перечнем проблем, которыми занимается данная наука, а также проанализировав её достижения и перспективы. Наибольший интерес для эмотиологии на данном этапе представляют: динамика языкового кода, развитие и реализация его скрытых возможностей, эмоциональная специфика речи в разных условиях общения, механизмы распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации, согласование эмоций разного качества, стимуляция положительных и нейтрализация отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения и др. [14; 15].

Мы убеждены, что эмотиология может выступать своеобразной философией жизни, поскольку исходит из тезисов, справедливых для каждой коммуникативной личности: 1) в человеке как биопсихосоциальном существе всё движимо эмоциями, поскольку они выступают мотивационной основой его сознания и мышления; 2) эмоции сопровождают человека на протяжении всей его жизни; 3) вся коммуникация человека эмоциональна и эмотивна; 4) язык системой своих средств повсюду транслирует человеческие эмоции; 5) эмоции отражаются в семантике слова; 6) именно благодаря энергетической мощности / заряду / потенциалу эмоций «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести» [15; 16]. В последнем тезисе заложена возможность перехода от лингвистики эмоций к собственно эмотивной лингвоэкологии / эколлингвистике. Эту возможность мы усматриваем в том, что знание о своих и чужих эмоциях составляет суть эмоциональной / эмотивной компетенции, которая в идеале не может не приводить к пониманию необходимости осторожного обращения с эмоциями в языке, транслированию в коммуникации позитивных эмоциональных смыслов, т.е. постепенно вырабатывает философское обоснование экологии эмоций через экологическую функцию языка. Здесь мы имеем в виду, что коммуникативная личность постепенно может прийти к осознанию необходимости экологического подхода к коммуникации через адаптацию лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского. Именно это сознательно избираемое, рациональное, целенаправленное использование знаний об эмоциях для экологизации общения и позволяет нам говорить о возможности эмотиологии выступать некой философией жизни.

Напомним, что суть эмотивного подхода к языку состоит в том, что для целей категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка наибольший интерес представляют философское понимание эмоций как формы оценочного отражения действительности и психологическое понимание эмоций как особого психического пласта, надстраивающегося над познавательным образом. Собственно лингвистическая теория эмоций – это модификация, полученная в результате взаимодействия философской и психологической парадигм. Методологический аспект категории эмотивности заключается в том, что она может служить ключом к анализу внутренней формы слова (языка), а через нее – ключом к анализу человека.

Лингвистика эмоций исходит из того, что человек является активным отражающим субъектом, его язык – средством отражения, а эмоции – формой отражения оценочного отношения к миру, т.е. формой его семантической интерпретации. С этой точки зрения эмоции человека являются ведущим компонентом так называемого человеческого фактора в языке [12].

Из сказанного выше становится понятным, что методологическая значимость описания категории эмотивности состоит не только в том, чтобы лучше изучить внутреннюю форму слова, но и в том, чтобы через эмоции глубже изучить самого человека, ведь известно, что эмоции являются «способом оценки значения предметов и явлений реального мира для конкретного человека и через нее – информацией о состоянии внутреннего “я”, его сознания и психики» [14, с. 24].

Приведённые выдержки из лингвистической теории эмоций В.И. Шаховского призваны подчеркнуть её значимость для эмотивной лингвоэкологии / эколлингвистики, поскольку именно от человеческого фактора в языке зависит экологическая безопасность эмотивного общения. А регулировать человеческий фактор может только сам человек, поэтому ему необходимы знания об эмоциях, способах этического (экологичного) общения. В этой связи представляется уместной мысль М.В. Горбаневского, что полнокровная жизнь общества невозможна без точной, богатой, образной, живой и при этом юридически корректной и этически выверенной родной русской речи [1].

Поскольку лингвистика эмоций набирает всё больше доказательств в пользу выдвинутого ею когда-то утверждения о превалировании / доминировании негативных эмоций во всех сферах жизни человека, то, вероятно, поэтому

и понадобилась такая терапевтическая по своей сути наука, как эмотивная лингвоэкология / эколлингвистика. И не случайно, что последняя в буквальном смысле этого слова «выросла» из эмотиологии. Предпосылками к её становлению были исследования, посвящённые оценочному знаку эмоций, отражению эмоций в семантике слова, эмоциональным стимулам и реакциям, эмоциональному тьюнингу, и другие работы В.И. Шаховского.

В современной лингвистике эмоций раньше утверждалось, что в языке негативные эмоции представлены более дифференцированно (хотя этика диктует превалирование в речевом общении слов с положительной эмоциональной оценкой [13, с. 12]), сейчас же говорится о нарастании негатива, нетолерантности, агрессии и конфликтогенности во всех сферах человеческой жизни [17; 18]. Закономерным становится вопрос о том, а можно ли что-то сделать, чтобы если не изменить общение на полностью позитивное, то хотя бы минимизировать негатив. Интересно, что даже психологипозитивисты выступают за многообразие эмоциональных красок в жизни человека, т.к. смещение баланса положительных и отрицательных эмоций предполагает возникновение целого ряда опасностей для экологии человека. Лишних переживаний не бывает, человеку необходимо ощущать весь их спектр.

Так, процессуально ориентированный психолог О. Подольская в своей статье «Надо ли быть позитивным человеком» пишет: «Наверняка Вам нравятся люди, которые никогда не злятся. Ещё бы, с ними так легко общаться! А может быть, Вы сами такой человек? Тогда признайтесь: легко ли Вам сохранять хорошую мину даже при плохой игре» [8]. Далее автор объясняет, почему вредно игнорировать и подавлять свои негативные чувства. В упрощенной позитивной психологии, как пишет автор статьи, считается, что нужно просто отказаться от негативных чувств, и всё станет хорошо. Человек должен приучиться быть постоянно счастливым. Но такой примитивный позитивный взгляд на мир, призванный подавить какие-либо негативные чувства, скорее всего, приведет к внутренним конфликтам, в которых опасностей гораздо больше, чем пользы: вытеснению чувств, эмоциональным срывам, накоплению проблем, потере смысла жизни, потере связи с реальностью, потере ощущения счастья, возникновению болезней [8].

Не случайно эмотивная лингвоэкология связывает экологию человека с его эмоциями [6]. Поскольку её методологической базой является лингвистика эмоций, то она ис-

ходит из тезиса об эмоциях в языке и приходит к идее об экологической функции языка. Ещё в 2010 г. экоэмотиология считала экологичным общение с позитивным модусом (через оценочный знак эмоции). К 2015 г. экоэмотиология говорит скорее о балансе положительных и отрицательных эмоций, а также признаёт необходимость разных эмоций в общении, солидаризуясь в этом отношении с психологами. Человек, не ощущающий своих чувств, вытесняющий агрессию, не может выразить ее экологично, т.е. безопасно для себя и окружающих [8].

Как известно, неэкологичным быть проще, ведь с точки зрения экономии коммуникативных усилий легче отказаться от общения или игнорировать партнёра по коммуникации, чем рационализировать свои эмоции и включить эмоциональный тьюнинг. Поиск общего эмоционального центра, стремление к кооперации, выражение позитивных эмоций и следование другим параметрам экологичного общения требует, прежде всего, работы над собой. Вольтер писал: «Подумай, как трудно изменить себя самого, и ты поймёшь, сколь ничтожны твои возможности изменить других». Для того чтобы настроить на позитивное общение себя, необходимы эмоциональная / эмотивная компетенция (включает в себя знание об эмоциях + владение понятиями эмоциональности, эмотивности, эмотиогенности, название, описание и выражение эмоций) и развитый эмоциональный интеллект (включает в себя контроль импульса, управление настроением, самомотивацию, распознавание эмоций).

Для экологизации общения в эмотивной лингвоэкологии / эколингвистике пробуют адаптировать метод эмотивного анализа, разработанный в лингвистике эмоций. Поскольку эмотивный анализ (включает в себя умение определять, как эмоции отражаются в семантике слов – аффективов, коннотативов и потенциативов) позволяет определять оценочный знак эмоции, а эмоция, в свою очередь, может выступать индексом / модусом экологичности, сам метод способствует целям экологического мониторинга и даже экологизации общения. Применение метода эмотивного анализа в целях эмотивной лингвоэкологии / эколингвистики выявило, что отрицательно-оценочных эмотивов и эмотивных / эмотиогенных текстов в современном коммуникативном пространстве, во многом формируемом СМИ, значительно больше, чем положительно-оценочных, что способствует дефициту экологичности [3]. Поэтому перед эмотивной эколингвистикой со всей оче-

видностью встаёт задача поиска (мониторинга) позитивно-оценочных, транслирующих положительные эмоции, экологичных текстов. Вспомним в этой связи слова апостола Павла: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим» («Послание к Ефессянам», гл. 4, стих 29).

Метод эмотивного анализа выявляет такие тексты и может служить цели экологического мониторинга современного коммуникативного пространства. В «копилку» экологичных текстов можно отнести тексты с добрым юмором (*Осталось всего три репетиции до позора! Мне не место с вами в одной музыке! Я прекращаю всякие церемонии и с сегодняшнего дня начну вас учить любить если не меня, то хотя бы музыку!*) [19], добрыми пожеланиями, молитвы, притчи, сказки и все тексты, которые отвечают разрабатываемому О.Б. Сиротининой и её коллегами понятию «хорошая речь» [10; 11].

О.Б. Сиротинина образцами «хорошей речи» называет тексты, производимые элитарными языковыми личностями [10]. В этой связи нельзя не вспомнить «Письма о добром и прекрасном» одной из выдающихся элитарных языковых личностей – Д.С. Лихачёва [7], в которых экологичны форма и содержание, ведь экологична, искренна, глорифицирующая человека сама интенция автора, облачённая в этичную эстетичную упаковку прекрасного русского языка.

Важной нам представляется мысль, что экология человека начинается не с другого, когда в центр ставится партнёр по коммуникации, а с самого говорящего. Этот тезис находит своё подтверждение в концепции альтруистического эгоизма Г. Селье, которая отвечает нашим представлениям об экологии человека. Её суть сводится к тому, что человек вправе делать то, что хочет, пока это не вредит ему самому и окружающим. Автор подчёркивает, что пока человек не вредит другим, он вправе вести наиболее естественную для себя жизнь. Он раскрывает эту мысль так: «Исходя из биологических законов, для большинства людей и для общества в целом лучшее побуждение к деятельности не “возлюби ближнего как самого себя” (ибо это невозможно), а “заслужи любовь ближнего”. Этот девиз позволяет человеку выразить себя и реализовать свои таланты с помощью самого могучего средства поддержания психической устойчивости и душевного мира – “альтруистического эгоизма”, который удовлетворяет присущее всему живому себялюбие, не порождая

чувства вины» [9]. Такая установка, поясняет Г. Селье, не вызовет нареканий и нападок, поскольку она полезна для всех. Далее автор пишет: «Мы сами – часть природы и потому должны принять её правила. Этот кодекс совместим с любой религией, политической системой или философией и в то же время независим от них. Мы все дети природы и не ошибемся, если будем следовать её общим законам в сочетании со своими личными идеалами и убеждениями» [Там же]. Далее автор пишет, что здоровье человека зиждется на гармоничном взаимодействии органов его тела, а взаимоотношения между людьми, семьями, племенами и народами станут гармоничными, если эмоции и импульсы альтруистического эгоизма автоматически обеспечат мирное сотрудничество и устроят все мотивы переворотов и войн. Мы разделяем процитированную точку зрения и считаем её одной из возможных составляющих экологического подхода к общению. Обращает на себя внимание и тот факт, что значительная роль в процессе становления гармоничных отношений отводится эмоциям. Полагаем, что с этих позиций экологичное общение можно назвать некой абсолютизацией, идеалом эмоционального здоровья человека и его языка.

Хотя Г. Селье не использует термин «экология общения», он пишет, что для того, чтобы справиться с отрицательным стрессом жизни, нужно «заложить краеугольный камень научной философии поведения – разумной профилактической и терапевтической науки о поведении человека» [Там же]. Г. Селье не даёт названия такой науке, но, по нашему мнению, содержание его исследований, приведённое в книге «Стресс без дистресса», соотносится с тем, что мы называем экологией общения. Для того чтобы регулировать экологичность собственного общения, люди должны вникнуть в основные данные лабораторных исследований. Обратим внимание на основной вывод, к которому пришёл Г. Селье (врач!): экспериментально доказано, что наши собственные положительные или отрицательные чувства приносят нам пользу или вред самым прямым путем, точно так же мы извлекаем пользу или приносим себе вред, возбуждая эти чувства в других людях. Этот вывод соотносится с базовыми тезисами лингвистики эмоций, что эмоции сопровождают человека повсюду, поскольку человек – биопсихосоциальное существо. Язык системой своих средств транслирует положительные и отрицательные эмоциональные смыслы. Вся логика данного тезиса говорит о том, что эти смыслы могут вредить

здоровью человека, что выступает предметной областью экологии эмоций. Именно в этом отношении становится и понятным, и своевременным призыв М.В. Горбаневского: «Берегите себя от злого слова!» [1].

О разрушительной силе эмоций и их энергетическом потенциале написано уже много, поэтому мы остановимся на необходимости поиска таких текстов, которые можно было бы считать носителями экологичности. В настоящее время, с нашей точки зрения, ощущается острая потребность общества в таких текстах, особенно в связи с масштабами различного рода конфликтов, получающих соответствующее вербальное отражение.

Одним из примеров экологичных текстов могут выступать, с нашей точки зрения, новые сказки из цикла «Мама Шамана» Яны Мори и Ксении Николаевой. Как отмечают в интервью сами авторы сказок, часть читателей называет эти сказки клиническим бредом, упрекая их создателей чуть ли не в подмене Богородицы образом «покровительницы диких домохозяек» – Мамы Шамана. Другие же (филологи и прочие любители словесности) с увлечением читают эти сказки и своим детям [20]. С нашей точки зрения, тот факт, что на сегодняшний день сказки Мамы Шамана читают более 22,5 тыс. подписчиков «ВКонтакте» и ещё 2 тыс. в «Facebook», свидетельствует об актуальности этого персонажа и интересе к нему. Эти тексты являются эмоциогенными, поскольку вызывают кластер эмоций от негодования, возмущения, презрения до восхищения, одобрения, любви, что можно понять как по количеству подписчиков, так и из содержания комментариев читателей. Но нас интересует экологический аспект их эмотивности, т.е. транслируемые эмотивные смыслы. Анализ всех опубликованных сказок представляется перспективой дальнейшего исследования, а в рамках данной статьи на нескольких примерах мы хотели бы показать, как работает предложенный В.И. Шаховским эмотивный анализ для выявления экологичности текстов.

В приведённых ниже примерах ни одна эмоция не названа прямо. В тексте описываются такие эмоции, как любовь, нежность Мамы Шамана, выражаются успокоенность, удовольствие самого страшного на свете чудовища.

Мама Шамана долго идет по миру, лесами и полями бредет днем и ночью, пока не находит самое страшное на свете чудовище. Она оборачивает его цветным шарфом, гладит по мохнатой голове и прижимает к сердцу. Да какое же я страшное, думает оно.

В данном тексте представлен такой тип эмотивов, как потенциативы. Нет ни аффективов (бранных слов, вульгаризмов, эмоционально-оценочных наречий и прилагательных и др.), ни коннотативов (зооморфизмов и др.). Сам текст наводит эмотивные семы на совершенно нейтральные слова.

За счёт эффекта обманутого ожидания предвкушение читателем неминуемой опасности и первоначальные эмоции тревоги (*Мама Шамана долго идет по миру, лесами и полями бредет днем и ночью*) и страха (*пока не находит самое страшное на свете чудовище*) неожиданно сменяются радостью, облегчением, что даже само чудовище улыбается тому, «какое же оно страшное». И побеждает чудовище Мама Шамана не силой, а лаской.

Именно поэтому образ Мамы Шамана может внушать чувство защищённости и ощущение гармонии маленьким детям и придавать веры в собственные силы их мамам, часто переживающим стресс и склонным видеть «самое страшное чудовище» в каждой мелочи. Оказывается, что «самое страшное чудовище» можно обернуть цветным шарфом (символ уюта и заботы), погладить по мохнатой голове (как любимую и добрую домашнюю собаку) и даже прижать к сердцу (т.е. пожалеть и выразить свою любовь).

Таким образом, отсутствие отрицательно-оценочных аффективов и коннотативов положительно сказывается на экологичности текста, как бы «выравнивая» его энергетический потенциал. Воспользовавшись метафорой, подчеркнём, что в анализируемом тексте нет ни эмоциональной бури, ни шторма. И хотя текст плотно эмотивен, но состоит он из нейтральных слов, на которые сам образ Мамы Шамана и описываемая сказочная коммуникативная эмоциональная ситуация наводят эмотивность. Весь текст целиком приобретает эмотивную коннотацию за счёт актуализации скрытых, вероятностных сем эмотивности, их семантических признаков и конкретизаторов.

Текст анализируемой сказки транслирует «мягкую» и позитивную эмотивность в «осторожной», этичной и эстетичной художественно-образной «упаковке», а потому «оберегает» (вспомним удачное выражение М.В. Горбаневского) эмоциональную сферу читателя от потрясений, реализуя терапевтическую функцию, и, следовательно, является экологичным.

Перспективой дальнейших изысканий мы считаем доказательство того, что метод эмотивного анализа, разработанный В.И. Шаховским [14], универсально применим к текстам

любых жанров и стилей. По нашему мнению, широкое практическое применение он может получить в лингвокриминалистике, юрислингвистике и лингвоконфликтологии, заинтересовать организацию ГЛЭДИС, которая оказывает практическую помощь юридическим и физическим лицам в проведении лингвистических экспертиз текстов публикаций на русском языке в печатных СМИ, текстов теле- и радиопрограмм, законов, контрактов и иных документов, товарных знаков, имён и фамилий, иных имён собственных и других спорных лингвистических объектов по широкому спектру гражданских, уголовных и арбитражных дел и споров [1].

Но юрислингвистика – не единственная область, в которой работает эмотивный анализ. Поскольку лингвистикой эмоций уже доказано, что все единицы языка эмотивны реально или потенциально [12], этот метод, с нашей точки зрения, универсально применим к текстам любых жанров и стилей для выявления их экологичности. Одна из пробных попыток применения его с данной целью представлена в нашей кандидатской диссертации «Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов)» [3], а дальнейшее развитие идея применения метода эмотивного анализа может получить в различных исследованиях, посвящённых многоаспектному экологическому мониторингу текстов.

Список литературы

1. Горбаневский М.В. Буклет ГЛЭДИС (Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам). URL: <http://www.gusexpert.ru/>.
2. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Формирование эмоциональной / эмотивной компетенции студентов через дисциплину по выбору «Лингвокультурология эмоций» // Интенсивное обучение иностранным языкам: сб. науч. ст. Вып. 3. Ч. 1 / науч. ред. А.Е. Томашина. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. С. 159–164.
3. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
4. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Содержание научного направления «Эмотивная лингвоэкология»: проблемы и перспективы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский, отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол. Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013а. С. 43–52.

5. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Авторский курс проф. В.И. Шаховского «Язык и эмоции»: формирование эмотивной компетенции коммуникативной личности // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013б. С. 13–20.
6. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологическая функция эмоций // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. 2015. № 1(35). С. 22–28.
7. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г.А. Дубровской. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1989.
8. Подольская О. Надо ли быть позитивным человеком URL: <https://lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byt-pozitivnym-chelovekom/> (дата обращения: 31 мая 2015 г.).
9. Селье Г. Стресс без дистресса. URL: ModernLib.ru/books/sele_gans/stress_bez_distressa... (дата обращения: 31 мая 2015 г.).
10. Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 3-е изд. С. 222–228.
11. Сиротинина О.Б. Современная коммуникативная практика и судьба русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 293–307.
12. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Известия РАН. 1987. Т. LXV. Сер. лит. и яз. С. 237–243.
13. Шаховский В.И. Эмоции в деловом общении: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1998.
14. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008а.
15. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008б.
16. Шаховский В.И., Колосова (Солодовникова) Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31). С. 22–29.
17. Шаховский В.И., Штеба А.А. Экология, валлеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол. Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 8–22.
18. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол. Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.
19. 33 фразы дирижеров, или Как ругаются интеллигентные люди. URL: <http://vk.com/leprazo> (дата обращения: 31 мая 2015 г.).
20. МамаШамана. URL: http://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fatas.info%2Freviews%2Frazgovor%2Fmama-shamana%2F&post=284988821_221 (дата обращения: 2 июня 2015 г.).

* * *

1. Gorbanevskij M.V. Buklet GLJeDIS (Gil'dii lingvistov-jekspertov po dokumentacionnym i informacionnym sporam). URL: <http://www.rusexpert.ru/>.

2. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Formirovanie jemocional'noj / jemotivnoj kompetencii studentov cherez disciplinu po vyboru «Lingvokul'turologija jemocij» // Intensivnoe obuchenie inostrannym jazykam: sb. nauch. st. Vyp. 3. Ch. 1 / nauch. red. A.E. Tomahina. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2007. S. 159–164.

3. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Jekologichnost' jemotivnoj kommunikacii (na materiale predvybornyh kreolizovannyh gazetnyh tekstov): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2010.

4. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Soderzhanie nauchnogo napravlenija «Jemotivnaja lingvojekologija»: problemy i perspektivy // Jemotivnaja lingvojekologija v sovremenном коммуникативном пространстве: kol. monografija / nauch. red. prof. V.I. Shahovskij, отв. ред. проф. N.N. Panchenko; redkol. Ja.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013a. S. 43–52.

5. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Avtorskij kurs prof. V.I. Shahovskogo «Jazyk i jemocii»: formirovanie jemotivnoj kompetencii kommunikativnoj lichnosti // Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii jemocij k jemotivnoj lingvistike: sb. nauch. tr., posvjashhennyj 75-letiju professora V.I. Shahovskogo. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2013b. S. 13–20.

6. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Jekologicheskaja funkcija jemocij // Grani poznanija: jelektron. nauch.-obrazovat. zhurn. 2015. № 1(35). S. 22–28.

7. Lihachev D.S. Pis'ma o dobrom i прекрасном / sost. i obshh. ред. G.A. Dubrovskoj. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1989.

8. Podol'skaja O. Nado li byt' pozitivnym chelovekom URL: <https://lady.mail.ru/article/485776-nado-li-byt-pozitivnym-chelovekom/> (data obrashhenija: 31 maja 2015 g.).

9. Sel'e G. Stress bez distressa. URL: ModernLib.ru/books/sele_gans/stress_bez_distressa... (data obrashhenija: 31 maja 2015 g.).

10. Sirotnina O.B. Jelitarnaja rechevaja kul'tura i horoshaja rech' // Horoshaja rech' / pod red. M.L. Kormilicynoj i O.B. Sirotninnoj. 3-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 3-е изд. С. 222–228.

11. Sirotinina O.B. Sovremennaja kommunikativnaja praktika i sud'ba russkogo jazyka // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2014. № 2. S. 293–307.

12. Shahovskij V.I. Otrazhenie jemocij v semantike slova // Izvestija RAN. 1987. T. LXV. Ser. lit. i jaz. S. 237–243.

13. Shahovskij V.I. Jemocii v delovom obshhenii: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 1998.

14. Shahovskij V.I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2008a.

15. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaia teorija jemocij. M.: Gnozis, 2008b.

16. Shahovskij V.I., Kolosova (Solodovnikova) N.G. Lingvojekologija: ob#ekt, predmet i zadachi // Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze. 2010. № 1 (31). S. 22–29.

17. Shahovskij V.I., Shtebea A.A. Jekologija, valeologija, lingvistika – tri istochnika lingvojekologii // Jemotivnaja lingvojekologija v sovremenom kommunikativnom prostranstve: kol. monografija / nauch. red. prof. V.I. Shahovskij; otv. red. prof. N.N. Panchenko; redkol. Ja.A. Volkova, A.A. Shtebea, N.I. Korobkina. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. S. 8–22.

18. Jemotivnaja lingvojekologija v sovremenom kommunikativnom prostranstve: kol. monografija / nauch. red. prof. V.I. Shahovskij; otv. red. prof. N.N. Panchenko; redkol. Ja.A. Volkova, A.A. Shtebea, N.I. Korobkina. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013.

19. 33 frazy dirizherov, ili Kak rugajutsja intelligentnye ljudi. URL: <http://vk.com/leprazo> (data obrashhenija: 31 maja 2015 g.).

20. MamaShamana. URL: http://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fatas.info%2Freviews%2Frazgovor%2Fmama-shamana%2F&post=284988821_221 (data obrashhenija: 2 ijunja 2015 g.).

Emotive analysis as a method of ecologic monitoring of texts

There is analyzed the adaptation of the method of emotive analysis in the integrative paradigm of the emotive linguistic ecology, considered the possibility of transfer from the emotive linguistic ecology to the ecology of emotions in view of the necessity of eco-centered turn in the modern communication study.

Key words: *emotive linguistic ecology, emotive analysis, ecologization, eco-centered turn, ecology of emotions.*

(Статья поступила в редакцию 9.06.2015)

Ю.А. ВАСИЛЬЧЕНКО
(*Волгоград*)

СЦЕНТАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА ОХОТНИЧЬЕЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена scentальной компоненту, т.е. запаху, представляющему собой особые компоненты веществ-феромонов, оставленных живыми существами для семиотического информирования о своем присутствии в материальном мире. Опытный охотник хорошо разбирается в запахах и легко может идентифицировать объекты охоты, определяя их местонахождение по оставляемым последними знакам своего присутствия в природной среде. Проанализировав эти знаки, он выстраивает свое коммуникативное поведение в соответствии с полученной семиотической информацией.

Ключевые слова: информация, запах, знаки, scentальная презентема, scentальное воздействие, идентификация, дезинформирование.

В теории взаимодействия фундаментальных форм информации М. Дж. Бейтс (США), вдохновленной работами известного семиолога С. Гунатилаки [12], информация является особой моделью (паттерном) организации вещества и энергии (“Information is the pattern of organization of matter and energy”) [10]. Таким образом, подчеркивается, что вся информация оказывается естественной, вложенной в живые существа самой природой, и приобретает с развитием жизни особые формы. Эти формы связаны между собой и вместе с тем логично переплетаются, демонстрируя определенную взаимозависимость.

Так, естественная (natural) информация, выступающая (represented) изначально в виде врожденной (embedded), констатирующей присутствие на земле живых существ, детализируется и становится кодированной (encoded), затем получает физическую манифестацию как в виде состояния (embodied), так и в виде действия (enacted), чтобы затем, пройдя этапы накопления опыта (experienced) и его когнитивного освоения (knowledge), перейти в статус генотипической (genetic), оказавшись «записанной» в менталитете и прочих состояниях живых существ, при этом имея шанс быть в дальнейшем отслеженной (traced). При многообразных взаимодействиях живых существ с материальным миром фун-